
ЕРЕСЬ ЖИДОВСТВУЮЩИХ¹⁾.

IV.

Преп. Іосифъ Волоцкій; отношенія къ Геннадію и значеніе его въ современномъ ему обществѣ.—Характеристика личности Іосифа въ связи съ умственнымъ развитіемъ эпохи.—Ворьба придворно-политическихъ партій и отношеніе къ ней ереси.—Вліяніе ереси на состояніе умовъ современнаго ей православнаго общества.—Первая противоеретическая дѣятельность Іосифа.—Посланіе его къ Нисенту, епископу Суздальскому.—Сверженіе митрополита Зосимы.

Прежде чѣмъ приступить къ обзору дѣятельности преп. Іосифа въ борьбѣ его съ ересью, мы постараемся очертить самую личность этого во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнаго историческаго дѣятеля въ связи съ обстоятельствами времени, среди которыхъ ему пришлось дѣйствовать. Разъясненіе характера этой дѣйствительно крупной исторической личности не только прольетъ свѣтъ на многіе факты изъ его противоеретической дѣятельности, но вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ намъ возможность понять и очертить характеръ интеллектуальнаго развитія эпохи, въ которую жилъ преподобный, и типическимъ представителемъ которой онъ является.

Не случайно Геннадій избралъ себѣ Іосифа помощникомъ въ борьбѣ съ ересью. Между ними, кромѣ чисто официальныхъ отношеній подчиненнаго къ своему епархіальному владыкѣ, существовала еще другая, болѣе тѣсная связь. У Геннадія, въ качествѣ боярина, служилъ родной братъ Бориса Кутузова, съ самаго младенчества близкаго друга Іосифа. Этимъ объясняется то обстоятельство, что Геннадій назначилъ послѣдняго начальникомъ надъ окружающими монастырями, поручивъ ему надзоръ надъ ними и сборъ съ нихъ доходовъ съ об-

¹⁾ *Продолженіе.* См. январскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за текущій годъ.

ращеніемъ части ихъ въ пользу Іосифовой обители ¹⁾. По словамъ самого Іосифа, Геннадій безчисленно благодѣтельствовалъ его монастырю и подарилъ ему между прочимъ нѣсколько сель ²⁾. Съ своей стороны, и Іосифъ всегда оказывалъ величайшее уваженіе и преданность Геннадію и отзывался о немъ въ самыхъ теплыхъ, душевныхъ выраженіяхъ ³⁾. Но болѣе всего побудили Геннадія обратиться къ содѣйствию Іосифа, — личныя качества послѣдняго и то высокое уваженіе, какое онъ успѣлъ снискать себѣ у великаго князя и во всѣхъ слояхъ тогдашняго общества своею строгою, подвижническою жизнію. Братъ Іоанна III, Борисъ Васильевичъ, княжившій въ Волоколамской области, былъ первымъ благодѣтелемъ Іосифа, помогъ ему построить монастырь и продолжалъ благодѣтельствовать ему до самой своей смерти. Самъ Іоаннъ зналъ Іосифа за его добродѣтельную жизнь еще въ качествѣ простаго инока Пафнутіева Боровскаго монастыря, содѣйствовалъ избранію его настоятелемъ этого монастыря и посвященію въ священнической санъ, а когда послѣдній прибылъ для посвященія въ Москву, то „пріа его державный съ великою любовію и угости и... и отпусти съ великою честію“. Когда же Іосифъ тайно ушелъ изъ Пафнутіева монастыря и путешествовалъ по другимъ монастырямъ, то „слыша сіа державный зѣло оскорбился... и повелѣ старцемъ о немъ питати“; а когда старцы, послѣ напрасныхъ поисковъ, снова стали просить себѣ игумена, то великій князь оный приказалъ искать Іосифа ⁴⁾. Многіе князья и болре питали глубочайшее уваженіе къ знаменитому подвижнику, считали за счастье имѣть его своимъ духовникомъ и дѣлали въ его монастырь значительныя пожертвованія ⁵⁾. Понятно, что такой человекъ какъ нельзя болѣе соответствовалъ даннымъ обстоятельствамъ. Соответствіе это сдѣлается еще яснѣе, если мы обратимъ вниманіе на личный характеръ преподобнаго.

При первомъ взглядѣ на жизнь и дѣятельность Іосифа, насъ не можетъ поражать кажущаяся двойственность въ его характерѣ и поступкахъ. Съ одной стороны, предъ нами является чело-

¹⁾ Житіе Іосифа, составленное неизвестнымъ, стр. 17; *Прибавл. къ Тв. Св. Отц.*, 1874 г., V, 256; *Хрущовъ*, о сочиненіяхъ Іосифа Волоцкаго, 104.

²⁾ Посланія Іосифа къ княгинѣ-вдовѣ и къ Кутузову; *Хрущовъ*, стр. 41—42.

³⁾ Напримѣръ, стр. 51—52 *Просвѣтителя*.

⁴⁾ Житіе пр. Іосифа, составленное Саввою Чернымъ. Велик. Милос. Четія, митр. Макарія, сентябрь, стр. 460—461.

⁵⁾ *Хрущовъ*, 50—52 X.

вѣкъ, всецѣло посвятившій себя на служеніе Богу, аскетъ въ полномъ значеніи этого слова, дни и ночи проводящій въ молитвѣ, постѣ и бдѣніи, а съ другой — домовитый хозяинъ монастыря, неуспынно заботящійся объ обогащеніи его, устанавливающій таксу даже на церковныя службы и проповѣдывающій, что „даромъ священникъ ни одной обѣди, ни панихиды не служитъ“. Въ одно и то же время онъ проповѣдуетъ мірянамъ отреченіе отъ міра, склоняетъ ихъ къ принятію монашескихъ обѣтовъ и убѣждаетъ жертвовать на монастырь села и угодья, беретъ большія пощины за постриженіе и не велитъ поминать по смерти чернеца, не сдѣлавшаго въ монастырь посильнаго вклада. Онъ беретъ къ себѣ престарѣлаго и разслабленнаго отца своего, въ продолженіе 15-ти лѣтъ неуспынно ухаживаетъ за нимъ, кормитъ его своими руками, и какъ выражается его жизнеописатель, „во всѣмъ вся бысть ему: и старецъ, и учитель, слуга и подпора“, и въ то же время онъ отказывается въ свиданіи своей матери-инокини, желавшей предъ смертію посмотрѣть на него послѣ 15-ти-лѣтней разлуки. Наконецъ, это былъ такой человекъ, который, во имя христіанской любви и милосердія, постоянно ходатайствовалъ за угнетенныхъ, писалъ убѣдительныя посланія о милосердіи рабовъ, о помощи неимущимъ и страждущимъ, угрожая за неисполненіе этихъ священныхъ обязанностей страшнымъ гнѣвомъ Божиимъ, самъ всегда готовъ былъ протянуть руку помощи нуждающимся и страждущимъ, открывалъ голодающимъ монастырскія житницы и раздавалъ имъ всѣ съѣстные припасы, по справедливости считаясь благодѣтелемъ окрестной страны ¹⁾.

Съ такихъ противоположныхъ сторонъ рисуется намъ личность Іосифа Савина. Разгадка этихъ противорѣчій, по нашему мнѣнію, заключается не въ индивидуально-психическихъ свойствахъ преподобнаго, не въ исключительномъ преобладаніи какого-нибудь одного изъ нихъ, а въ общемъ складѣ господствующихъ понятій эпохи, въ характерѣ тѣхъ идей, на которыхъ онъ воспитался, и которыя потомъ стали стимуломъ, руководящимъ началомъ всей его послѣдующей дѣятельности. Поэтому, чтобы понять личный характеръ Іосифа и оцѣ-

¹⁾ Житіе Іосифа, писанное Саввою Крутицкимъ, напечат. въ Великихъ Минеяхъ-Четвѣхъ, изд. Арх. Ком., октябрь, стр. 459, 469, 482—486; Уставъ Іосифа, напечат. тамъ же, гл. 3, 8, 12 и 13; Посланію Іосифа къ книжницѣ-идовѣ, напечат. у Хрущова въ приложеніи, стр. 255—260; Полемич. сочиненія Василіана въ Др. Соб. 1862 г., сентябрь; Посланія Іосифа къ Нисеюту, Митрофану, Василію Іоанновичу и послѣднія три слова Провѣдителя.

нить по достоинству его дѣятельность, нужно напередъ понять и разяснить господствующій характеръ образованности эпохи, въ которую онъ жилъ и дѣйствовалъ. Что же такое былъ образованный человѣкъ этого времени? Какія типическія черты его умственного развитія? Какіе идеалы онъ себѣ выработалъ и стремился осуществить въ жизни? Вотъ вопросы, которые, въ виду постановленной нами цѣли, необходимо разрѣшить. Прежде всего—это не былъ человѣкъ многосторонне-образованный: понятія его о самыхъ обыкновенныхъ явленіяхъ и вещахъ были самыя дѣтскія; свѣтская мудрость не касалась его; онъ не только считалъ ее бесполезною и относился къ ней съ презрѣніемъ, называя ее „еллинскою хитростію“ и „чернокнижнымъ подхвоніемъ“, но онъ ненавидѣлъ ее и преслѣдовалъ. Онъ былъ исключительно человѣкъ вѣры: въ вѣрѣ заключалась вся его мудрость, все его знаніе. Только слово Божіе считалъ онъ источникомъ истинной мудрости; только въ немъ одномъ желалъ онъ поучаться день и ночь. Все, что не отъ Писанія, говорилъ онъ,—то отъ діавола ¹⁾. Но русскій человѣкъ XV—XVI в. не былъ въ строгомъ смыслѣ и человѣкомъ богословски-образованнымъ: знакомство его даже съ первоисточниками православно-христіанскаго ученія не простиралось на столько, чтобъ онъ могъ опредѣленно отличать въ этой области истинное отъ подложнаго, каноническое отъ не каноническаго, догматъ отъ обычая, частное мнѣніе или церковное постановленіе, вызванное обстоятельствами мѣста и времени, отъ общепризнаннаго и общеобязательнаго вселенскаго преданія, даже Ветхій завѣтъ отъ Новаго: для него все это безъ различія носило на себѣ печать богодухновенности и богоучрежденности, все было равно важно и обязательно. Это былъ грамотѣй-начетчикъ, богословъ-самоучка въ самомъ тѣсномъ значеніи этого слова: онъ изучалъ слово Божіе и все относящееся къ вѣрѣ съ ревностію и усердіемъ, достойными подражанія, но изучалъ отрывочно, безъ строгой разумной связи и послѣдовательности, безъ должнаго пониманія истиннаго смысла и значенія изучаемаго, изучалъ только по буквѣ, а не по духу. Онъ зналъ наизусть цѣлыя чтенія изъ библіи, евангелія и писаній апостольскихъ и святоотеческихъ, но не постигалъ ихъ доказательной силы и не всегда примѣнялъ ихъ къ мѣсту и дѣлу. Неспособный ясно различать бо-

¹⁾ П. С. Р. Л., I, 65—66, 79, 188—190; *Татищевъ*, Ист. IV, 70; *Прозвѣтитель*, стр. 48; Пренія митр. Даніила съ Макс. Грекомъ, *Чт. съ Общ. Н. и Д.* 1847 г., VII; *Забѣлины Отеч. Зап.* 1860 г., въ № XI, 95 — 143; *ibid.* 1856 г. III—IV, 13—14.

жественное отъ человѣческаго, онъ естественно слишкомъ расширялъ понятіе о богооткровенности и богоучрежденности и подводилъ подъ него предметы и понятія, вовсе чуждые характера божественности: неизблемое постановленіе вселенской церкви и новелла Византійскаго императора по дѣламъ церковнымъ, помѣщенные на ряду въ Кормчей, получали въ глазахъ его одинаковую обязательную силу. Въ то же время, будучи не въ состояніи освободиться отъ древне-народныхъ человѣкообразныхъ воззрѣній и возвыситься до идеальнаго, строго-христіанскаго представленія о Божествѣ, онъ ниводилъ божественное на степень человѣческаго, приписывалъ Богу черты и дѣйствія, свойственныя существу ограниченному. Не постигая глубокаго различія между ветхозавѣтною подзаконностью и христіанскимъ нравственнымъ закономъ, закономъ свободы и любви, онъ считалъ то и другое безразличнымъ и равно обязательнымъ для себя ¹⁾). Но, будучи сыномъ своего вѣка, выросшимъ въ эпоху гос-

¹⁾ Древне-русская литература была гораздо болѣе богата сочиненіями апокрическаго характера, чѣмъ подлинными свитоотеческими твореніями. «У насъ», говоритъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей XVI вѣка (Курбскій), — «ани десяти части книгъ учителей нашихъ древнихъ не переведено лѣности ради и нерадѣнія властей нашихъ, бо нынѣшняго вѣку мящіеся учителя больше въ болгарскія басни, або паче въ бабскія бредни упражняются, прочитають и похваляютъ ихъ, исхели въ великихъ учителей разумѣхъ наслаждаются» (*Правосл. Соб.* 1858 г., I, 106). Это и понятно: апокрихъ, вымыселъ или заблужденіе, какъ продукты ума невѣжественнаго, лишеннаго истиннаго смысла спасительной вѣры христіанской, сильнѣе привлекали вниманіе и симпатіи, ближе подходили къ пониманію древне-русскаго человѣка, при наружномъ христіанскомъ благочестіи еще далеко несвободнаго отъ старыхъ языческихъ воззрѣній. Онъ видѣлъ въ нихъ что-то близкое, родное, и потому старался собирать и записывать все появлявшееся въ этомъ родѣ. Не удивительно и то, что даже самыя чистыя христіанскія понятія, при усвоеніи и литературной переработкѣ ихъ русскимъ человѣкомъ характеризуемой нами эпохи, получали у него чувственно-антропоморфическій отпечатокъ, служившій отличительною чертою древне-русскаго языческаго мировоззрѣнія и замѣчавшій на большинствѣ религіозно-церковной письменности этого времени. Тамъ болѣе для него были недоступны болѣе тонкія, но тѣмъ не менѣе существенно необходимыя для пониманія истиннаго смысла христіанства, различія, законы, напримѣръ, вопросы объ отношеніи Ветхаго завета къ Новому и о различіи между ними, о различіи между частнымъ мнѣніемъ и вселенскимъ преданіемъ, освященнымъ временемъ благочестивымъ обычаемъ и богоустановленнымъ учрежденіемъ. Даже самыя высокопросвѣщенные писатели этой эпохи не свободны были отъ этихъ недостатковъ. Геннадій Новгородскій «испытно проходилъ «Шестокрыль» и искалъ доказательства въ «книгѣ Еноха Праведнаго», называя эти апокрихы богодухновен-

подства грубой силы и личнаго безправія, воспитаннымъ въ суровомъ аскетизмѣ, онъ искалъ идеаловъ для себя не столько въ Новомъ сколько въ Ветхомъ завітѣ. Не удивительно, что его болѣе плѣнялъ суровый образъ Иліи и Финееса, чѣмъ кроткій и всепрощающій ликъ Христа Спасителя. Духъ библіи имѣлъ на него могущественное вліяніе и парализовалъ благотворное, всепримиряющее дѣйствіе евангельскаго слова; на ней онъ воспиталъ отличавшія его пророческую ревность по вѣрѣ и безошадную строгость своихъ приговоровъ надъ религіозными разномыслими; но библія, вмѣстѣ съ тѣмъ, была и тою нейтральною почвою, на которой онъ могъ сходиться съ этими послѣдними, и при всемъ своемъ религіозномъ ригоризмѣ, протягивать руку мира и согласія даже презрѣннымъ въ его глазахъ остаткамъ библейскаго народа. Поэтому, если онъ не терпѣлъ иновѣрцевъ, если преслѣдовалъ заблуждающихся, изобрѣталъ для нихъ пытки и казни, то все же дѣйствовалъ совершенно искренно, въ глубокомъ убѣжденіи, что такъ повелѣвало ему дѣйствовать слово Божіе, служившее для него всегда и во всемъ непреложнымъ закономъ. Въ словѣ Божіемъ и въ томъ, что онъ принималъ за такое, ему встрѣчались тамъ и здѣсь поразительные примѣры самой пламенной ревности, безошадно каравшей враговъ правой вѣры. Преслѣдуя еретиковъ, онъ желалъ явить себя только вѣрнымъ исполнителемъ божественныхъ предписаній и ревностнымъ подражателемъ древнихъ поборниковъ вѣры и благочестія. Если, въ свою очередь, онъ самъ увлекался и впадалъ въ заблужденія, то и здѣсь нѣтъ

ными (Посл. къ Іоасаеу). Іосифъ Волоцкій не въ состояніи былъ освободиться отъ слишкомъ человѣкообразныхъ представленій о Божествѣ, какъ это, напримеръ, видно изъ 4-го слова Просвѣтителя о необходимости воплощенія, гдѣ Богу приписываются «прехрищеніе» и «коварство», свойства, рѣшительно не мирящіяся съ высокимъ христіанскимъ понятіемъ о Божествѣ; въ своихъ сочиненіяхъ онъ, подобно Геннадію, пользуется, какъ богодухновенными, источниками, имѣющими сомнительное происхожденіе и достоинство. Такъ, изъ Палемъ онъ заимствуетъ разказы о библейскихъ временахъ; ссылается также и на Еноха Праведнаго, хотя приводитъ изъ него только мѣста, сходныя съ мѣстами изъ каноническихъ книгъ; а писанія Никона Черногорца, не причисленнаго нашею Церковію къ лику святыхъ, онъ постоянно называетъ «богодухновенными». Церковно-гражданскимъ постановленіямъ Византійскихъ императоровъ, помѣщеннымъ въ номоканонахъ, на ряду съ соборными и святоотеческими правилами, онъ приписываетъ одинаковое каноническое достоинство съ послѣдними и на основаніи ихъ требуетъ розыска и безошадной казни еретиковъ (см. послѣднія три слова Просвѣтителя).

причинѣ сомнѣваться въ его искренности и заподозрѣвать чистоту его намѣреній: онъ заблуждался не по чему иному, какъ только потому, что основу своихъ заблужденій видѣлъ въ томъ же „божественномъ писаніи“, хотя и понималъ его неправильно и произвольно. Но повторяемъ: какъ тамъ, такъ и здѣсь, онъ выходилъ изъ самаго искреннаго и глубокаго убѣжденія въ томъ, что дѣлаетъ дѣло Божіе; тамъ и здѣсь онъ твердо держался почвы церковнаго ученія. Если онъ иногда доходилъ до крайностей, впадалъ въ заблужденія, то виной этому въ большинствѣ была не его личная воля, а недостаточность и односторонность умственнаго и религіозно-нравственнаго развитія, отличавшаго вообще его время.

На Іосифѣ Волоцкомъ, какъ на личности, по преимуществу умственно-сильной и воспримчивой, характеристическія черты умственнаго и религіозно-нравственнаго развитія эпохи, отразились глубже и рельефнѣе, чѣмъ на всякомъ другомъ. Здѣсь-то главнымъ образомъ и пужно искать объясненія кажущейся двойственности въ характерѣ и поступкахъ преподобнаго, какъ настоятеля монастыря и какъ борца за православіе. На самомъ же дѣлѣ это была личность удивительно цѣльная, натура всегда вѣрная, не измѣнявшая себя. Правда, онъ не былъ челоукомъ исключительно чувства или воображенія, но также не былъ челоукомъ и одного холоднаго разсудка. Напротивъ того, всѣ духовныя силы дѣйствовали въ немъ въ замѣчательной гармоніи. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ развернуть его замѣчательное твореніе, дошедшее до насъ подъ именемъ „Просвѣтителя“, стоитъ прочесть любое изъ его посланій. Здѣсь мы найдемъ множество мѣстъ, дѣйствительно поразительныхъ по своей логической силѣ; но тутъ же, на ряду съ ними, встрѣтимъ и такія мѣста, которыя обнаруживаютъ въ ихъ авторѣ присутствіе глубокаго чувства и самаго пламеннаго воображенія, дышать высокою поэзіей ¹⁾. Сила его воли и постоянство въ преслѣдованіи раз поставленныхъ имъ для себя цѣлей были изумительны. Это доказываетъ исторіей всей его жизни. Но всѣ его богатые умственныя и нравственныя силы сосредоточены были на одной великой идѣ. Іосифъ былъ исключительно челоукомъ вѣры, ревнитель православія, готовый во имя его и для его торжества пожертвовать всѣмъ, что

¹⁾ Для примѣра можно указать на приписку его въ посланіи къ Неоенту, адресованную имъ къ брату своему Вассіану (стр. 9—10), и на многія мѣста Просвѣтителя.

было святаго и драгоцѣннаго; но въ то же время, какъ сынъ своего вѣка, онъ понималъ православно-религіозные интересы по своему, какъ мы сказали, относился къ источникамъ Христіанскаго вѣроученія безъ критики, съ одинаково-безусловнымъ благоговѣніемъ къ каждой писанной строкѣ, лишь бы она имѣла религіозный характеръ и носила печать древности. Отсюда и происходило, что тотъ же самый человѣкъ, который во имя предписаній евангельскаго закона любви всегда готовъ былъ самоотверженно помогать нуждающимся ближнимъ, на основаніи другихъ письменныхъ источниковъ, имѣвшихъ въ его глазахъ такой же богодухновенный характеръ, отказывалъ въ предсмертномъ свиданіи своей матери-инокини и требовалъ розньсковъ, пытокъ и безпощадной казни еретиковъ; по въ томъ же другомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ совершенно искренно, во имя однихъ и тѣхъ же религіозныхъ побужденій, будучи глубоко убѣжденъ, что совершаетъ дѣло Божіе, за которое всегда готовъ былъ жертвовать своею жизнію. Если прибавить ко всему этому обширную богословскую эрудицію и даръ слова, краснорѣчивый и убѣдительный, то для насъ окончательно выяснятся какъ личность Іосифа, такъ и то громадное вліяніе, какимъ онъ пользовался въ современномъ ему обществѣ.

И вотъ такой-то человѣкъ выступаетъ теперь на борьбу съ ересью. Но и ересь въ это время уже составляла громадную силу, съ которою трудно было считаться даже такой нравственно-сильной личности, каковъ былъ Іосифъ. Московскіе еретики далеко не были похожи на еретиковъ новгородскихъ. Это уже не была кучка безвѣстныхъ новгородскихъ клирошанъ, съ которою главнымъ образомъ приходилось вести борьбу Гспнадію; напротивъ того, ересь являлась теперь многолюднымъ, правильно организованнымъ обществомъ, соединившемъ свое знамя съ знаменемъ могущественной политической партіи, стоявшей во главѣ государственнаго управленія. Удѣльной системѣ въ это время былъ уже нанесенъ окончательный ударъ, и самодержавіе восторжествовало. Новый порядокъ вещей вызвалъ къ дѣятельности и новыхъ людей: однихъ изъ новыхъ политическихъ дѣятелей Іоаннъ III, въ качествѣ неограниченнаго властителя, создалъ самъ, другими снабдила его Литва. Но и прежніе дѣятели, помогавшіе Московскому великому князю въ строеніи государства и волей-неволей пожертвовавшіе въ пользу Москвы своими родовыми правами, также составляли сильную партію, которою пренебрегать было нельзя. Понятно, что между этими двумя политическими группами ни въ

какомъ случаѣ не могло существовать полнаго единодушія: первая, какъ созданіе новаго порядка вещей, естественно и должна была стоять за этотъ порядокъ; а вторая, у которой еще живы были преданія старины, продолжала симпатизировать прежнему политическому строю. Если мы приѣмемъ при этомъ въ соображеніе еще личное соперничество между представителями двухъ направленій какъ пришельцами и природными Москвитчанами, какъ людьми, обязанными своимъ настоящимъ положеніемъ единственно волѣ государя, и лицами родовитыми и иногда съ блестящимъ историческимъ прошлымъ, то антагонизмъ между ними сдѣляется еще понятнѣе. Такимъ образомъ, прежнія распри и усобицы между удѣльными князьями теперь замѣнились борьбою придворныхъ партій. Вскорѣ обѣимъ этимъ партіямъ представился прекрасный случай помѣряться между собою силами. Со времени смерти старшаго сына и наслѣдника Іоаннова, Іоанна младшаго (1490 г.), возникъ вопросъ: кого объявить теперь государь своимъ наслѣдникомъ, внука ли своего Дмитрія, отъ покойнаго сына и Елены Волошанки, или другаго своего сына—Василія, отъ второй жены своей Софіи Палеологъ. Въ средѣ великокняжескаго семейства образовалось соперничество Елены и Дмитрія, съ одной стороны, а Софіи и Василія—съ другой; къ первымъ примкнула старобоярская партія, ко вторымъ—люди новые, выдвинутые на государственное поприще самимъ Іоанномъ и преимущественно изъ тѣхъ, которые въ это время во множествѣ сѣзжались на службу московскую¹⁾. Во главѣ противной Софіи партіи стояли два могущественные боярина, князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ и Семенъ Ивановичъ Ряполовскій: они были самыми довѣренными и притомъ самыми любимыми людьми государя; всѣ важнѣйшія дѣла проходили черезъ ихъ руки. Къ нимъ примкнули не менѣе ихъ вліятельный дьякъ Ѳедоръ Курицынъ, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ къ Еленѣ и привезшій ее изъ Валахін въ Москву (1482 г.), Иванъ Максимовъ, совратитель Елены, братъ Ѳ. Курицына Иванъ Волкъ, и вѣроитно, и другіе значительные московскіе еретики.

Такъ совершилось сліянiе ереси съ одною изъ могущественныхъ тогдашнихъ политическихъ партій. Но всего важнѣе для успѣха ереси было то, что самъ Іоаннъ III имѣлъ свои причины бытьнисходительнымъ къ еретикамъ: нѣкоторыя идеи, проводимыя еретиками въ общество, какъ нельзя болѣе совпадали съ замыслами и

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Росс., т. V (3-е изд.), стр. 213, 84—88.

стремленіями самого царя: таково было, на примѣръ, ихъ враждебное отношеніе къ церковному авторитету, къ монашеству и особенно протестъ ихъ противъ корыстолюбія духовенства. Предшествовавшія событія (какъ, на примѣръ споръ охожденіи посолонъ и др.) показали великому князю, что церковь, столь могущественно содѣйствовавшая усиленію его верховной власти, способна была однако заявлять при случаѣ и свою независимость отъ этой власти и даже парализовать послѣднюю. Теперь Іоаннъ, почти вполнѣ достигнувъ единодержавія, бывшаго цѣлью всей его государственной дѣятельности, уже не нуждался болѣе ни въ чьей посторонней опекѣ и не могъ терпѣть подлѣ себя никакой другой самостоятельной силы, которая могла бы при случаѣ ограничить ему свободу дѣйствій; а такую сдерживающую силой именно и была въ глазахъ Іоанна церковь. Мысль объ этомъ не могла не тяготить его, и ему, во что бы то ни стало, нужно было подчинить себѣ церковь и заставить ее служить своимъ планамъ. Охлажденіе къ духовенству, распространяемое въ народѣ еретиками, какъ нельзя болѣе содѣйствовало планамъ Іоанна. Какъ человекъ въ высшей степени практической, пользовавшійся всѣми наличными средствами для достиженія своихъ цѣлей, онъ видѣлъ и въ этомъ сподручное средство поставить свою власть выше всякаго противодѣйствія со стороны представителей церкви. Это было для него тѣмъ желательнѣе, что вмѣстѣ съ подчиненіемъ себѣ высшей духовной власти, ему представлялась возможность осуществить еще и другой свой завѣтный замыселъ—овладѣть церковными имуществами, замыселъ, который онъ уже давно выказалъ своими поступками, отнявъ у Новгородскаго владыки и новгородскихъ монастырей значительную часть ихъ имуществъ и запретивъ церквямъ приобретать куплею новыя земли. Этимъ-то, должно быть, и пользовались приближенные къ Іоанну еретики, отклоня отъ слишкомъ ревностнаго преслѣдованія вольнодумцевъ и указывая ему въ ереси черты, благопріятствующія его замысламъ.

Пользуясь снисходительностью высшей мірской власти и нашедши сторонника себѣ въ высшемъ представителѣ церкви, еретики, какъ мы уже видѣли, вполнѣ сплотились въ организованное общество, съ братьями Курицыными и Иваномъ Максимовымъ во главѣ, и завели постоянныя религіозныя собранія; но слѣдуя своей обыкновенной традиціонной тактикѣ, всегда облакали свои собранія непроницаемою тайною: „всегда собирающаея тайно по всѣхъ мѣстѣхъ, идеже кто обрѣташася, и жертвы жидовскія жряху, и пасху жидовскую, и

праздники жидовскія творяху, на нихъ же и многа хуленія изрекоша на Господа нашего Иисуса Христа, и на пречистую Богородицу, и на великаго Іоанна Предтечу и на вси святыя Апостолы¹⁾. Трудно вывести изъ приведенныхъ словъ современника какое-нибудь положительное заключеніе объ истинномъ характерѣ этихъ собраній, особенно если принять въ соображеніе покрывавшую ихъ тайну; не подлежитъ однако сомнѣнію, что они имѣли двѣ стороны: одна изъ этихъ сторонъ отличалась чисто религіознымъ характеромъ и состояла въ отправленіи извѣстныхъ религіозныхъ обрядовъ, похожихъ на іудейскіе, а другая состояла въ критикѣ вѣрваній и установленій православной церкви. Пользуясь благоприятными для себя условіями, еретики не упускали изъ виду и пропаганды своего ученія; напротивъ того, вели ее дѣятельнѣе и успѣшнѣе, чѣмъ когда-либо, „и толико“, по словамъ современника, — „прельстиша и въ жидовство отведоша, яко не исчести мощно“²⁾. Мало того: въ умахъ чисто православнаго общества они возбудили всеобщее волненіе и развили страсть къ религіознымъ диспутамъ и разсужденіямъ. Панадея на современный строй религіозно-церковной жизни, подвергая критикѣ церковныя установленія, еретики этимъ вызывали на возраженія и споры православныхъ. Являлась необходимость опровергать еретиковъ и вдаваться въ объясненіе какъ Священнаго Писанія, такъ и отцовъ церкви. Результатомъ этого было всеобщее умственное возбужденіе. „Нынѣ“, говоритъ тотъ же свидѣтель-современникъ о тогдашнемъ состояніи умовъ, — „и въ домѣхъ, и на путѣхъ, и на торжищахъ, иноци и мірстїи и вси сумнитєся, вси о вѣрѣ пытають, и не отъ пророкъ, ни отъ апостолъ, ниже отъ святыхъ отецъ, по отъ еретиковъ и отъ отступниковъ Христовыхъ“³⁾... Это всеобщее возбужденіе умовъ несомнѣнно имѣло свою хорошую сторону. Оно вызвало къ дѣятельности дотолѣ дреманшія, но могучія силы православныхъ, побудило ихъ соединиться для защиты одного общаго дѣла, дѣла православія, угрожаемаго опаснымъ врагомъ, и въ этомъ отношеніи оно, по справедливости, можетъ считаться новымъ шагомъ на пути прогрессивнаго развитія православно-русской народной мысли. Но въ то же время у этого движенія была еще и другая обратная сторона, далеко не соответствовавшая интересамъ православія, угрожаемаго все болѣе и болѣе разрастающеюся ересью. Страсть къ ре-

¹⁾ Просвѣт., 576.

²⁾ Просвѣт., 576.

³⁾ Посланіе къ Нисеону въ *Чт. Общ. И. и Др.* 1847 г., I, ст. 6.

лигіознымъ разсужденіямъ и спорамъ православныхъ съ еретиками вызывала постоянное сообщество между тѣми и другими, а сообщество, особенно если принять въ соображеніе тактъ, съ которымъ вели себя еретики, не могло не развить въ православныхъ снисходительнаго взгляда на еретиковъ и не повліять на самое міровоззрѣніе православныхъ. „Зачѣмъ“, слышалось въ обществѣ, — „осуждать и истязать еретиковъ? Господь сказалъ: не осуждайте, да не осуждены будете; и св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: не слѣдуетъ никого ненавидѣть и осуждать, ни невѣрнаго, ни еретика, а тѣмъ болѣе не слѣдуетъ убивать еретика; если же надобно судить ихъ и казнить, то пусть судятся мірскими судами по царскимъ и гражданскимъ законамъ, а не иноками, даже не мірянами, не засѣдающими въ судахъ; притомъ же еретикъ и отступникъ только тотъ, кто самъ исповѣдалъ свою ересь или отступленіе; а донскиваться, нѣтъ ли въ комъ ереси и предавать изъ-за этого пытѣть не слѣдуетъ“. Еретики говорили: „Если и еретикъ будетъ святитель, но если проклянетъ онъ христіанина, то послѣдуетъ ему божественный судъ“. Это приводило въ смущеніе самыхъ строгихъ изъ православныхъ и удерживало отъ принятія рѣшительныхъ мѣръ противъ еретиковъ. Самая общественная нравственность того времени потеряла свой строго-аскетическій характеръ и сдѣлалась гораздо свободнѣе. „Отступили люди отъ истины и отъ правды“, жалуется современникъ на тогдашнее нравственное состояніе общества, — „отступили отъ братолюбія и ницелюбія, отступили отъ цѣломудрія и чистоты и предалися сластолюбію“¹⁾.

Въ такомъ благопріятномъ положеніи находилась ересь въ то время, когда выступилъ на борьбу съ нею Іосифъ Волоколамскій. Но Іосифъ сказалъ себѣ: „Настало время труда, время теченію и подвигамъ... подобаетъ нынѣ даже до смерти подвизаться“²⁾—и смѣло выступилъ на подвигъ.

Трудно съ точностью опредѣлить, когда и чѣмъ началась проиеретическая дѣятельность Іосифа. Въ житіи его, принадлежащемъ ученику его Саввѣ Крутицкому, говорится, что Геннадій, узнавъ о существованіи ереси въ Новгородѣ, „возвѣсти сіе зло нгу-

¹⁾ Посланіе къ Нисеюту и 12-е, 13-е и 14-е слова «Просвѣтителя», составляющія научно-богословское раскрытіе мыслей, заключающихся въ посланіи къ еп. Нисеюту.

²⁾ Посланіе къ Нисеюту.

мену Іосифу и просить помощи... и нача отецъ Іосифъ ово наказаніемъ, овоже писаніемъ спомогати архіепископу" ¹⁾). Отсюда можно заключить, что дѣятельность Іосифа противъ еретиковъ началась весьма рано, почти одновременно съ дѣятельностію противъ нихъ Геннадія, хотя опредѣленно и нельзя указать времени ея начала. Первоначальная помощь, оказанная Геннадію Іосифомъ, выразилась въ написаніи имъ первыхъ 11-ти словъ „Просвѣтителя“, заключающихъ въ себѣ научно-богословское опроверженіе различныхъ пунктовъ еретическаго лжеученія ²⁾). Слѣдовательно, въ то время, какъ Геннадій велъ практическую борьбу противъ ереси, Іосифъ занимался ея теоретическимъ, научно-богословскимъ опроверженіемъ. Теперь они мѣняются между собою ролями. Іосифъ выступаетъ практическимъ борцомъ противъ еретиковъ, пишетъ къ разнымъ лицамъ грозныя и убѣдительныя посланія, наконецъ, самъ является предъ царемъ съ требованіемъ принять рѣшительныя мѣры противъ еретиковъ; а Геннадій, наоборотъ, берется ратовать противъ ереси духовнымъ оружіемъ и посвящаетъ свое время и труды поднятію уровни образованія своего епархіальнаго духовенства и кодификаціи книгъ Священнаго Писанія.

Первымъ письменнымъ памятникомъ открытаго участія Іосифа въ борьбѣ съ ересью слѣдуетъ считать посланіе его къ Нифонту, епископу Суздальскому, писанное въ 1493 году ³⁾). Причина, почему Іосифъ прежде всего обратился съ посланіемъ къ Нифонту, а не къ кому-либо другому, заключается отчасти въ томъ, что Нифонтъ пользовался тогда громаднымъ вліяніемъ въ церкви, и Іосифъ прямо на-

¹⁾ Великія Минеи-Четии, митр. Макарія, сентябрь, стр. 472.

²⁾ Въ пользу этого говорятъ слѣдующія данныя: а) теоретическій характеръ этихъ словъ, между тѣмъ какъ остальныя пять отличаются чисто практическимъ характеромъ; б) относительно тихій и спокойный тонъ, въ какомъ онъ написанъ, и который доказываетъ, съ одной стороны, что авторъ ихъ знакомъ былъ съ ересью только чрезъ посредство другихъ, а не входилъ въ непосредственное соприкосновеніе съ еретиками, съ другой же—что ересь еще не достигла широкаго развитія, и еретики еще не получили политической свободы; в) то обстоятельство, что здѣсь въ числѣ еретиковъ нигдѣ не упоминается митрополитъ Зосима, тогда какъ въ послѣднихъ словахъ «Просвѣтителя» встрѣчается и его имя; г) то, что въ самыхъ древнихъ спискахъ «Просвѣтителя» заключается только 11 первыхъ словъ, а въ концѣ 11-го слова Іосифъ прямо называетъ свое сочиненіе «книгою».

³⁾ Предисл. къ посл. Іосифа къ Нифонту въ *Чт. Общ. Ист. и Древн.* 1847 года, I, Хрущовъ, 123.

зываетъ его „главою“ православныхъ ¹⁾),—а отчасти въ близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ между ними, доказательствомъ чему служитъ самое посланіе, которое есть не что иное, какъ отвѣтъ на посланіе Нифонта. Иосифъ знаетъ, что главная сила еретиковъ заключается въ близости ихъ къ государю, а главнымъ орудіемъ ихъ успѣха въ православномъ обществѣ служитъ митрополитъ, и потому онъ прежде всего старается вырвать это орудіе изъ ихъ рукъ и противопоставить силѣ ихъ другую нравственную силу, въ лицѣ православнаго митрополита. Съ этою цѣлю Иосифъ уже въ самомъ началѣ своего посланія рисуетъ митрополита самыми мрачными красками: „Въ великой церкви Пречистой Богородицы, сіяющей, какъ второе солнце, посреди всей Русской земли, на св. престолѣ Петра и Алексія“, писалъ онъ,—„на томъ престолѣ сидитъ скверный и злобѣсный волкъ въ пастырской одеждѣ, чиномъ святитель, а произволеніемъ Иуда предатель, злодѣй, какого не было ни между древними, ни между новыми еретиками, змій пагубный, первый отступникъ между святителями въ нашей землѣ“... Изобразивъ развратное поведение Зосими, упомянувъ о соблазнительныхъ рѣчахъ, которыя онъ произносилъ въ своемъ кругу, и нарисовавъ печальную картину религіозно-нравственнаго состоянія тогдашняго православнаго общества, Иосифъ въ самыхъ сильныхъ и пламенныхъ выраженіяхъ убѣждаетъ Нифонта и другихъ русскихъ іерарховъ свергнуть отступника и спасти церковь Божію, хотя бы за это пришлось потерпѣть даже мученическую смерть. „Если не искоренится этотъ второй Иуда“, продолжалъ Иосифъ,—„то отступничество мало по малу утвердится во всѣхъ людяхъ. Какъ ученикъ учителя, какъ рабъ государя, молю тебя, поучай все православное христіанство, чтобы не приходили къ этому сквернителю и отступнику за благословеніемъ, не ѣли и не пили съ нимъ“. Въ заключеніе авторъ опровергаетъ общераспространенное въ то время мнѣніе, будто грѣшно осуждать еретиковъ, и рѣшаетъ въ отрицательномъ смыслѣ сомнѣніе Нифонта о дѣйствительности проклятія, когда оно исходитъ отъ еретика.

Изъ посланія къ Нифонту видно, въ какомъ всеоружіи выступилъ Иосифъ на борьбу съ еретиками. Нифонту онъ указываетъ на подвигъ мученика и совѣтуетъ дѣйствовать прямо на паству Зосими. Зная содержаніе этого посланія, трудно предположить, чтобы Иосифъ въ борьбѣ съ еретиками ограничился только совѣтами другимъ дѣй-

¹⁾ «Глава бо еси възмъ на тебе вси зрнмъ...» Посл. къ Нифонту.

ствовать противъ нихъ, тѣмъ болѣе, что ему самому была полная возможность дѣйствовать. Еретики разсылали грамоты для распространенія своего ученія и подорванія авторитета такихъ противниковъ ереси, какъ Геннадій. Нужно было дать оружіе противъ ереси въ руки православнымъ, не имѣвшимъ многихъ книгъ и не знавшимъ божественнаго писанія, какъ выражается самъ Іосифъ въ посланіи къ иноку-иконописцу. Слѣдуя этому побужденію, Іосифъ, вѣроятно въ это же время, сдѣлалъ окончательную редакцію своимъ первымъ словамъ противъ еретиковъ, написаннымъ имъ прежде разновременно и по различнымъ побужденіямъ, предпослалъ имъ предисловіе, содержащее въ себѣ исторію ереси, доведенную до собора 1490 г. и до обнаруженія еретичества Зосимы, а потомъ издалъ ихъ цѣлою книгою во всеобщее употребленіе ¹⁾. Книга Іосифа, замѣчательное твореніе и въ настоящее время, въ тѣ темныя времена была явленіемъ необыкновеннымъ и не могла не произвести сильнаго впечатлѣнія на своихъ современниковъ.

Вслѣдствіе ли обнародованія посланія Іосифа къ Нифонту, или вслѣдствіе собственнаго сознанія въ предосудительности своего поведенія, но только митрополитъ Зосима 17-го мая 1494 года отказался отъ митрополіи, положилъ омофоръ на престолъ въ Успенскомъ соборѣ и удалился сначала въ Симоновъ, а потомъ въ Троице-Сергіевъ монастырь. Современники объясняютъ это обстоятельство различно: одни говорятъ, что онъ удаленъ былъ за то, что „непомѣрно питія держался и о церкви Божіей не радяше“; по словамъ другихъ — „за нѣкое претѣновеніе“; а Геннадій въ своей „повольной грамотѣ“ на поставленіе новаго митрополита говоритъ вообще, что онъ оставилъ престолъ „своея ради помощи“ ²⁾. Какъ бы то ни было, но замѣчательно то, что Зосима принужденъ былъ оставить митрополію въ отсутствіи Ѳедора Курицына, который посланъ былъ въ Литву вмѣстѣ съ Василиемъ Косымъ-Патриѣевымъ и Семеномъ Ряполовскимъ, по поводу

¹⁾ Редакція по крайней мѣрѣ 11, а можетъ быть, и 14 словъ, съ присоединеніемъ къ нимъ предисловія, сдѣлана, если одновременно, то чрезъ небольшой промежутокъ времени прежде или послѣ написанія посланія къ Нифонту. Доказательствомъ этому служатъ: а) многія дословно схожія мѣста какъ въ «сказаніи», такъ и въ посланіи, и б) то, что самая исторія ереси, содержащаяся въ «сказаніи», доведена только до того времени, когда огласилось сообщничество Зосимы съ еретиками, то-есть, до 1493—1494 г.; а въ этотъ промежутокъ и было написано посланіе къ Нифонту.

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 164; т. VIII, 228; Степенная кн., I, 477; *Русская Библиока*, IV, 203—204.

сватовства Елены Ивановны за Литовскаго великаго князя Александра ¹⁾. Весьма вѣроятно, что партія, противная партіи Курицыныхъ и Патрикѣевыхъ, воспользовавшись отсутствіемъ этихъ послѣднихъ, повліяла на великаго князя и побудила его удалить съ митрополичьяго престола сторонника отсутствующихъ.

¹⁾ П. С. Р. Л., VIII, 228.